

ОПЫТЫ СТРАНСТВИЙ

Увидеть Венецию и...

ДИАЛОГ С ИОСИФОМ БРОДСКИМ

РОМАН РОМАНОВ

16+

Роман Романов

Увидеть Венецию и... (диалог с Иосифом Бродским)

<https://litres.ru/51881840>

SelfPub; 2020

Аннотация

Эссе Романа Романова из серии "Опыты странствий" представляет собой своеобразный диалог с текстом Иосифа Бродского "Набережная неисцелимых". Автор сравнивает собственные впечатления от сегодняшней Венеции с описаниями, которые поэт сделал более тридцати лет назад. Индивидуальный стиль Р. Романова помогает почувствовать дух жизни венецианцев и хорошо передает ритм, в котором существует город сегодня. При оформлении обложки и в качестве текстовых иллюстраций автор использовал собственные фотографии, сделанные во время пребывания в Венеции.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Изучая лицо этого города семнадцать зим, я, наверно, сумею нарисовать портрет этого места если и не в четыре времени года, то в четыре времени зимнего дня.

Иосиф Бродский, «*Fondamenta degli incurabili*»

Иногда путешествия случаются неожиданно-негаданно. В один день вдруг рождается безумная идея куда-нибудь рвануть, а спустя несколько недель ты уже в приятном возбуждении пакуешь чемоданы и изумляешься тому, как чудесно все сложилось: появилась возможность улизнуть с работы, бросить семью и дом, к тому же на тебя свалились неожиданные деньги. Именно такой, «скоропостижной», оказалась моя поездка в Венецию в компании двух «лягушек-путешественниц» – Инны и Ольги.

Однажды, незадолго до Нового года, Инна как бы невзначай упомянула о ежегодном венецианском карнавале, который обычно начинается в середине февраля. Выдержав паузу, она вкрадчиво спросила нас с Ольгой, не хотим ли мы сообразить на троих поездку в Италию и поучаствовать в праздничном веселье. Ольга для приличия немного поломалась: все-таки середина года, неизвестно, отпустят ли с работы, – однако авантюрный дух пересилил доводы разума, и она легко позволила себя уговорить. У меня в тот момент пасьянс жизненных обстоятельств сходилась как нельзя более удачно, поэтому я, не задумываясь, тоже объявил о своем участии в этом проекте.

Инна охотно взяла на себя роль организатора и обязала нас изучить путеводители и прочие материалы, чтобы решить, как мы будем целую неделю погружаться в культуру Венеции. Я не был в восторге от идеи заранее знакомиться с городом по книгам и фильмам, однако Инна была непреклонна и вручила мне эссе Бродского «Набережная неисцелимых»¹, велел проникнуться венецианским духом, который, мол, переполнял страницы книги.

Некий «дух» и вправду парил над витиеватым текстом Иосифа Бродского: он поднимался над строками ключьями тумана и меланхолично оседал в сознании, плотно окутывая его и пропитывая сырым воздухом венецианской зимы. Сквозь этот туман перед глазами у меня проступал образ Венеции – слегка потасканной, местами затертой до дыр соблазнительницы, что веками глядится в воду городских каналов и в ее зыбкой поверхности видит себя вечно юной, пышной красавицей.

Позже, прогуливаясь по узеньким венецианским улочкам, я неоднократно ловил себя на мысли, что у меня в памяти всплывают целые куски из этой книги. Я невольно сравнивал свое восприятие сегодняшней Венеции с опытом Бродского, бродившего по тем же местам несколькими десятилетиями ранее. И теперь, наяву окруженный каналами, храмами и

¹ Автобиографическое эссе, написанное в 1989 г. на английском языке и носящее итальянское название «*Fondamenta degli incurabili*» (более поздняя англ. версия названия – «*Watermark*») – здесь и далее примеч. автора.

дворцами Вечного города, я снова и снова принимался вести мысленный *диалог* с поэтом — он-то и лег в основу моего эссе.

«Небо было полно зимних звезд, как часто бывает в провинции. Стоило лишь оглянуться, чтобы увидеть Станцию во всем ее прямоугольном блеске неона и изысканности, чтобы увидеть печатные буквы: VENEZIA. Но я не оглядывался. Затем ниоткуда возникла широкая крытая баржа, помесь консервной банки и бутерброда, и глухо ткнулась в причал Станции. Горстка пассажиров выбежала на берег

и устремилась мимо меня к станции».²

Из аэропорта наше трио прибыло на Stazione Venezia Santa Lucia, когда зимние сумерки предельно сгустились и до момента полного перехода природы в ночной режим оставалось не более получаса. Венецианский вокзал с его обширной площадью – единственное место в городе, связанное с материком пуповиной железнодорожного и автотранспортного моста. Здесь можно было в последний раз полюбоваться машинами и автобусами, чтобы затем полностью окунуться в островную жизнь, не предполагавшую наземный транспорт.

Поплутав в темноте по незнакомой местности, мы преодолели гигантский аркообразный виадук и вышли к набережной. На итальянский язык понятие «набережная» переводится словом *fondamenta*: в самом звучании его – фундаментальность, незыблемость, глубина, основа. Так как отныне нам предстояло повсюду передвигаться по воде, мы изучили на причале несложную схему движения *vaporetto* (венецианского речного трамвайчика) и отправились в первое путешествие по городским каналам – в один из старейших районов города Каннареджо. Там располагалась гостиница «Три арки», где нам предложили поселиться. Оказалось, отель стоит прямо у причала, буквально в трех метрах от канала. Немудрено, что по утрам, после ночных приливов, высокое гости-

² Здесь и далее в тексте курсивом приведены цитаты из книги И. Бродского «Набережная неизлечимых» в переводе Г. Дашевского.

ничное крыльцо было мокрым, а набережную заливала вода, вышедшая из берегов. Венецианцев, носящих дорожную и элегантную обувь, это не напрягало, ну а нас и подавно. Наоборот, было весело ходить по деревянным настилам, которые сооружали специально на случай небольшого затопления.

«В зиме всегда есть что-то антарктическое. Так как батареи соблюдают свои неритмичные циклы даже в отелях, ты дрожишь и ложишься спать в шерстяных носках. Только алкоголь способен смягчить удар полярной молнии, прон-

зающей тело при первом шаге на мраморный пол. Если вечером ты работаешь, то зажигаешь целый парфенон свечей – не ради настроения или света, а из-за их иллюзорного тепла; или перемещаешься на кухню, зажигаешь плиту и закрываешь дверь. Все источает холод, особенно стены. Против окон не возражаешь, потому что знаешь, чего от них ждать. Они, в сущности, просто пропускают холод, в то время как стены его копят».

С той поры, как Бродский впервые приехал в Венецию в середине 70-х, здесь многое изменилось. Зимы перестали быть «антарктическими» – в феврале жители города вполне довольствуются легкими курточками и толстовками, а шапки носят исключительно из соображений стиля. Гостиницы, к счастью, больше не шокируют постояльцев холодовыми атаками со стороны пола и стен: по крайней мере, в нашем номере всегда было тепло и уютно. Алкоголь же если и потребляется, то не ради согревания замерзших конечностей, а в лучших дионисийских традициях – для увеселения духа.

Вечерами мы частенько выпивали в отеле, потому что в двух минутах от причала обнаружили неисчерпаемый винный погребок. Это был крошечный магазин, где дешевое, но качественное спиртное продавал добродушный старичок Альберто – потомственный виноторговец в пятом поколении. Позади длинного деревянного прилавка стоял ряд пузатых винных бочонков, и хозяин с удовольствием наполнял

нам литровые бутылки белым *Prosecco*, красным *Amarone* или розовым шампанским *Valpolicella*. Попутно он рассказывал, как эти вина делают и где хранят. Протягивая бутылку, Альберто неизменно задерживал нас на несколько минут, предлагая попробовать еще несколько сортов совершенно бесплатно. Он выставлял на прилавок одноразовые бокальчики и щедро плескал в них то одно, то другое вино из своего богатого ассортимента. Случалось, что уже после посещения этого чудесного магазинчика я был навеселе – впрочем, я всегда слыл никудышным пьяницей.

К Альберто мы обычно наведывались по утрам, по пути в город. Возвращаясь же в гостиницу после многочасовых блужданий, обязательно заглядывали в продуктовую лавку синьора Риккардо. Его магазин тоже стоял рядом с нами – ну что за чудо-район, все прелести жизни под рукой! Риккардо – высокий, худой мужчина с седеющей шевелюрой и ироничным взглядом за стеклами модных очков – больше походил на артиста, чем на продавца съестного. За прилавком он работал элегантно, как за дирижерским пультом: взмах руки – и ветчина с сыром горгонзола нарезаны тончайшими пластинками; еще взмах – и все виртуозно упаковано в фирменную бумагу. После фееричных шоу Риккардо мы даже представить не могли, что будем покупать продукты у другого продавца. Правда, в его магазине мы еще и здорово сэкономили на еде. Со здешними ценами вряд ли будешь каждый день обедать в ресторанах, поэтому у синьора Риккардо

мы покупали мясо, сыр, горячий хлеб, оливки, полусушеные помидоры в оливковом масле – словом, все необходимое для полноценного ужина в гостиничных условиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.